

Л.Л. Толстой

Яша Полянов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л.Л. Толстой**
Яша Полянов / Л.Л. Толстой – М.: Книга по Требованию, 2013. – 267 с.

ISBN 978-5-458-07564-0

Воспоминания для детей из детства графа Л.Л. Толстого. С рисунками А.
К. Бальдингера. Второе издание.

ISBN 978-5-458-07564-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Вотъ тебѣ и па,—многозначительно проговорила няня и, подоидя къ двери въ сосѣднюю комнату, пріотворила ее. Я пошелъ за ней. Оказалось, что наши люди, лакей Григоріи Петровичъ и кухонный мужикъ Андрей, потные и раскраснѣвшіеся, вытаскивали куда-то изъ дѣвичьей знакомые мнѣ съ первыхъ же лѣтъ моей жизни красные сундуки дѣвушекъ. Сама Ариша, наша съ няней старинная сосѣдка, суетилась тутъ же и всѣмъ распорядилась.

— Легче, легче, пожалуйста,—говорила она озабоченно, не замѣчая насъ съ няней,—ради Господа Бога потише! Я тутъ посуду положила.

— Не беспокойтесь, Арина Васильевна,—замѣтилъ грубоватый голосъ Андрея:—все цѣло будетъ-съ, швырять не будемъ.

Было ясно, что въ домѣ у насъ готовилось какое-то перемѣщеніе. Дѣвушекъ переводили куда-то, а комнату ихъ предназначали, вѣроятно, кому-то другому. Но кому—въ этомъ былъ теперь главный вопросъ.

— Или пріѣзжаютъ?—спросила няня Аришу, со всѣмъ войдя въ дѣвичью,—не слышали кто?

— Слышать-то, можетъ, и слышали,—отвѣтила Ариша, въ то же время бѣгло взглянувъ на меня,—да не знаемъ все-таки вѣрно. Телеграмму со станціи приносили. Легче, легче, Андрей, пожалуйста.

— Не беспокойтесь, ради Господа, Арина Васильевна,—усмѣхнулся Андрей, обнаживъ свои бѣлые, какъ

снѣгъ, зубы,—вѣдь мы же видимъ... Авось, не Богъ знаетъ что тутъ, въ сундукъ-то...

— Не Богъ знаетъ что, — обидѣвшись повторила Ариша,—а все-таки трудами нажитое...

— Это-то хоть вѣрно,—замѣтилъ Андрей.

— А васъ это куда же? — опять спросила няня Аришу.

— Внизъ, на новыя мѣста,—недовольно отвѣтила Ариша.

— Это мама велѣла?—рѣшился спросить и я.

Ариша ничего не отвѣтила и только пристально на меня посмотрѣла.

— Попятно мамаша, а коли не оцѣ, такъ кто же,—отвѣтилъ за жену Григоріи Петровичъ, пятеясь, какъ ракъ, задомъ къ двери и широко разставивъ свои худыя ноги въ какихъ-то зеленого цвѣта, на-половину сляпавшихъ штанахъ.

Онъ обѣими руками крѣпко вцѣпился въ ручку тяжелого сундука, точно весь приросъ къ нему, и круто выгнулъ сухощавую спину.

— А кто же будетъ жить здѣсь?—спросилъ я.

— Вотъ пріѣдутъ, тогда и узнаете,—отвѣтилъ Григоріи, лукаво подмигнувъ мнѣ и тряснувъ своими рыжими кудрями, — такъ-то, батюшка баринъ, такъ-то! А хорошій баринъ будетъ, это я знаю,—добавилъ онъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ на какой-то тягучій и сладковатый.

— Но, по, Андрей Сидорычъ,—обратился онъ весело къ Андрею, хотя тотъ никогда и не былъ Сидорычемъ, —ну-ка, ну-ка, поприятнѣй, поаккуратнѣй подавай!..

Любопытство овладѣло мной. Зачѣмъ переводятъ отсюда двѣдушекъ? Кто будетъ жить здѣсь? Кто это прѣзжаетъ?

Мнѣ стало досадно, что я ничего не знаю, тогда какъ, повидимому, остальнымъ въ домѣ все было извѣстно.

Зачѣмъ скрывать отъ меня что-то? Какъ я не люблю этого, вообще не люблю чего-нибудь не знать и не понимать до конца.

Я круто повернулся къ нянѣ и спросилъ ее, не знаетъ ли она чего-нибудь о причинѣ передвиженія въ домѣ. Мнѣ казалось, что и она о чемъ-то секретномъ знала или, по крайней мѣрѣ, догадывалась.

— Что я знаю,—отвѣтила няня съ грустью въ голосъ,—право, не знаю. Конечно, говорили намеренія,—добавила она загадочно,—мнѣ-то что-жъ, лишь бы мальчику хорошо было...

Сказавъ это, она пошла назадъ въ дѣтскую, и я, конечно, пошелъ за ней.

— Няня, что-жъ это ты сказала?—спросилъ я ее съ беспокойствомъ,—я не понимаю.

Я догналъ ее, подбѣжалъ къ ней совсемъ близко и, схвативъ ее за указательный палецъ лѣвой руки, крѣпко сжалъ его. Этотъ палецъ у няни былъ съ отрубленнымъ ногтемъ и поэтому всегда красный и лоснящійся на

кончикъ. Когда она еще прежде, до моего рожденія, жила одно время у насъ въ домѣ не нянею, а экономкой, то нечаянно отрубила себѣ палець, когда колола сахаръ. Не знаю уже почему; но въ минуты какого-нибудь душевнаго волненія, хотя я страстно любилъ этотъ нянинъ уродливый палець, какъ любилъ ее всю, онъ раздражалъ меня, и я сильнѣе замѣчалъ его, въ то же время не желая на него смотрѣть.

— Да такъ, миленькій,—сказала няня все тѣмъ же своимъ печальнымъ голосомъ,—я говорю: лишь бы мальчику хорошо было, а мнѣ все равно.

— Да что, что?—чуть не плача спрашивалъ я.

— Ахъ, голубчикъ ты мой, да развѣ можно тебѣ все знать!..—воскликнула няня,—ну, и стара я стала, и не учена, ну, что-жъ, и пускай ихъ, а ты не спрашивай меня пока, миленькій,—нельзя тебѣ всего знать...

— Нѣтъ, я хочу все знать, все и узнаю,—горячился я все больше и больше,—кто будетъ жить тамъ,—что ты говоришь, чего я долженъ не знать?

Не знаю, чѣмъ бы кончился этотъ нашъ разговоръ съ няней, если бы въ это время не вошла въ дѣтскую мама своей легкой, быстрой походкой. Она озабоченно прошла мимо насъ и отворила дверь въ дѣвичью.

— Кровать принесите сюда изъ кладовой,—распорядилась она живо,—а шкапъ и столъ оставьте эти.

— Слушаю-съ, хорошо-съ,—проговорилъ угодливый голосъ Григорія.

— Ширмы эти тоже унесите отсюда,—продолжала мама,—есть новыя.

— Сдѣлаемъ все, будьте покойны,—сказалъ Григорій Петровичъ, отирая крупныя капли пота съ своего блѣднаго лба.

Кончивъ свои распоряженія, мама вернулась къ намъ въ дѣтскую. Она точно задумалась, на минуту пріостановившись въ дверяхъ, потомъ быстро подошла ко мнѣ и взяла за руку.

II.

Н я н я.

СЛУШАЙ, Яша,—проговорила она серьезно и ласково,—мнѣ надо сказать тебѣ одну вещь.

Она отвела меня къ няниному низкому, обитому пестрымъ ситцемъ, дивану съ прямой деревянной спинкой, сама сѣла на него и посадила меня рядомъ съ собой. Я замѣтилъ, что няня въ это время отошла къ окну и стала пристально смотрѣть въ него, чего никогда не дѣлала безъ цѣли. Не успѣла мама начать, какъ я уже понялъ, что сейчасъ что-то важное, касающееся именно меня, откроется мнѣ, и сердце мое заколотилось.

— Завтра пріѣзжаетъ для тебя новая англичанка,—прямо объявила мнѣ мама.—Я рѣшила не говорить тебѣ до послѣдней возможности, чтобы напрасно не разстраивать васъ съ няней; но теперь ты самъ видишь, что

для miss Emilie уже готовятъ комнату. Она будетъ спать съ тобой, разговаривать по-англійски и ходить за тобой. Ты начнешь понемногу учиться съ ней, и Катя тоже, вѣроятно, скоро перейдетъ къ вамъ.

— А няня?—не могъ я не перебить маму.

— Няня всегда найдется дѣло,—продолжала мама,— а тебя я прошу заранѣе: пожалуйста, постарайся привыкнуть къ miss Emilie и жить съ ней такъ же хорошо, какъ съ няней. Она очень милая по всему, что я о ней слышала и знаю, и поэтому надо особенно стараться быть съ ней добрымъ и ласковымъ. Ты понимаешь меня?

— Понимаю,—отвѣтилъ я тихо.

— Видишь ли,—продолжала мама,— ты уже становишься большой мальчикъ, тебѣ восьмой годъ; miss Emilie, я надѣюсь, научить тебя кое-чему, чего ты отъ няни не узнаешь. Ты вѣдь понимаешь, что я говорю? не правда ли?

Вмѣсто отвѣта я сталъ нагибать голову все ниже и ниже къ себѣ на грудь, и безконечная грусть вдругъ налегла мнѣ на душу.

„Какъ? Оставить няню, нашу дѣтскую, Катю, Вѣрочку, все, что я любилъ, все, къ чему я привыкъ и чѣмъ жилъ съ первыхъ же дней рожденія, чтобы перейти въ бывшую дѣвичью и спать съ чужой англичанкой?“

Все это показалось мнѣ въ эту минуту чудовищнымъ, невозможнымъ, худшимъ несчастьемъ, какое только можно было для меня придумать.

— Ну, что же ты молчишь? Тебѣ жалко няни?— спросила мама, нагнувшись ко мнѣ и внимательпо взглянуть на меня своими близорукими глазами.

— Конечно, жалко. Развѣ ты этого не понимаешь?— съ досадою обратился я къ ней. И, подавившись слезами, я почувствовалъ, что въ груди моей что-то сжалось, поднялось и близко подступило къ горлу.

— Ахъ, какой ты однако,—огорченно сказала мама,— да вѣдь няня тутъ же будетъ, рядомъ. Miss Emilie такой же человѣкъ, какъ она.

Но я уже не могъ удерживаться дольше и залился слезами.

Мама стала горячо утѣшать меня, какъ умѣла, продолжала доказывать, что огорчаться мнѣ нечему, потому что рѣшительно все равно, гдѣ спать ночью, а днемъ я могу быть попрежнему нѣсколько часовъ съ няней, но мнѣ было тяжело слушать ее. Она, какъ мнѣ казалось въ то время, не понимала, какъ слѣдуетъ, моего горя.

Закрывъ лицо руками, я бросился отъ мамы къ нянѣ и, спрятавъ голову къ ней подъ фартукъ, затрясся всѣмъ тѣломъ отъ рыданій.

— Да что ты, что съ тобой,—заговорила няня взволнованно и смущенно,— нѣ плачь, голубчикъ ты мой, вѣдь я тутъ же буду, съ тобой рядомъ, не плачь, миленькій.

И я слышалъ, какъ у нея тоже голосъ дрогнулъ и

оборвался, точно у ней больше не хватало духа говорить. Видно, и ей тяжело было отдавать меня въ чужія, незнакомыя руки послѣ того, какъ мы столько лѣтъ жили вмѣстѣ такъ близко и такъ горячо любили другъ друга.

Бѣдная, милая и добрая моя старая няня... Кого когда я любилъ больше, горячѣй тебя?..

И черныи твердый чепчикъ на твоей сѣдой головѣ, и этотъ темный, иногда грязный и засаленный, но съ особенно прелестнымъ, дорогимъ для меня запахомъ твоей ситцевойи фартукъ, подъ которымъ я любилъ прятаться, находя себѣ утѣшеніе и покой, и доброе твое простое лицо, и старыя рабочія, выходявшія меня руки, и дряблыя, какъ пустые мѣшочки, морщинистыя щеки, которыя я такъ любилъ цѣловать, цѣловать взапасъ. Какъ и обожалъ все это.

Это была моя первая привязанность и потому самая сильная. Я спалъ, ѣлъ, плакалъ, смѣялся, радовался и огорчался, дѣлалъ все вмѣстѣ съ няней, и она почти отъ меня не отходила; она первая выучила меня ѣсть послѣ груди матери, выучила ходить и говорить; она первая зажгла во мнѣ чувство любви къ себѣ, то чувство, безъ котораго нельзя жить на свѣтѣ людямъ, безъ чего никто не живетъ и не умираетъ. Долго потомъ я много такъ страстно, искренно и чисто не любилъ.

Мнѣ казалось даже много лѣтъ послѣ того, какъ я оставилъ няню, что если бы она умерла, и я бы тоже

не могъ дольше жить: моя жизнь потеряла бы свой смыслъ и значеніе. Мысль пережить няню пугала меня, какъ самое страшное горе.

Я неутѣшно плакалъ въ ея колѣняхъ. Она молча гладила меня по головѣ, присѣвъ на стулъ подлѣ стола, и нѣжно перебирала мои вьющіеся волосы.

Мама, смущенная теперь болѣе насъ и не зная, что дѣлать, вышла изъ дѣтской.

Сестра Катя между тѣмъ, услышавъ мой плачь, обернулась ко мнѣ и тоже громко, какъ только она одна умѣла, заплакала.

Вѣрочка, въ это время стоявшая смиренно въ сторонѣ, бросилась утѣшать Катю, но она закричала на весь домъ своимъ отчаяннымъ голосомъ и не унималась.

Ея неистовый ревъ остановилъ мои слезы и успокоилъ меня на время. Мнѣ стало смѣшно на Катину дикое отчаяніе, и, поднявъ голову съ колѣнъ няни, я заглянулъ ей въ лицо. И она улыбалась мнѣ слабой улыбкой сквозь слезы, смочившія ея покраснѣвшія щеки и вѣки.

— Ну, будетъ, будетъ, дѣти, что это вы, право, разстроились,—сказала няня, вставая съ мѣста, — чего, право, растревожились. Авось, все сживется, сладится. Хорошо будетъ опять. Не мертвеца оплакивать.

Утирая слезы, я отошелъ отъ няни къ окну и сталъ смотрѣть въ него. Мнѣ было грустно попрежнему, безконечно грустно на душѣ. Въ первый разъ я почув-

становалъ въ этотъ день, что есть па свѣтѣ то, что люди называютъ горемъ, что непрошено порою влѣмывается въ нашу жизнь и больно ее перевертываетъ.

„Зачѣмъ это? Къ чему?—неволью возникалъ во мнѣ вопросъ.—Развѣ не лучше было бы мнѣ жить себѣ да жить съ моею старою няней, хорошею, милою, доброю; и никто бы не разлучалъ насъ, пока не разлучила бы настоящая житейская необходимость“.

Я долго смотрѣлъ въ окно, какъ тихо скользили по чистому голубому небу то ниже деревьевъ, то высоко надъ ними бѣлыя, тонкія, иногда слившіяся въ комокъ нити осенней паутины, и мнѣ думалось въ то время, отчего и я не такая легкая, беззаботная паутинка: какъ хорошо было бы пуститься такъ по прозрачному воздуху, подняться высоко-высоко и улѣтѣть куда-нибудь подальше, гдѣ нѣтъ ни горя, ни слезъ, гдѣ люди никогда не разлучаются и куда не можетъ пріѣхать такъ неожиданно чужая англичанка.

Послѣднюю ночь въ этотъ день я почевалъ въ дѣтской съ няней и Катей. Въ послѣдній разъ въ этотъ вечеръ няня подошла ко мнѣ, какъ дѣлала почти всѣ эти шесть лѣтъ подъ-рядъ, когда я уже лежалъ въ моей кроваткѣ; и нагнулась, чтобы прѣститься со мною. Я крѣпко обнялъ ея шею обѣими руками и притянулъ ее къ себѣ.

— Прощай, миленькій мой, — проговорила няня, — видно, отжили мы съ тобою наше время.